

Эмили в шоке уставилась на листок, а затем, когда стало очевидно, что глаза её не обманывают, впилась в него взглядом ещё сильнее. Её дыхание стало тяжёлым, и при этом у неё возникло ощущение, что ей не хватает воздуха.

Она не могла поверить в то, что видела.

Подняв глаза, Эмили осмотрела помещение. Она находилась не в обычном лекционном зале, где они просто сидели и слушали длинную лекцию профессора, а скорее в традиционном учебном классе, где студенты располагались за небольшими столами, каждый из которых был повернут лицом к преподавателю и доске.

В помещении все ещё оставалось несколько студентов. Некоторые забрали свои работы и сразу ушли, но другие задержались, чтобы поболтать. Эмили быстро оглядела оставшихся, и отметила среди них несколько групп друзей, образовавшихся в её потоке. Не то чтобы она была частью какой-либо из них.

Обычно она была одной из тех, кто быстро покидал аудиторию, но этот лист с её работой...

Через пару недель у нее должна будет начаться промежуточная сессия, и в классе чувствовалось осязаемое напряжение, поскольку все начали готовиться к зубрёжке и предстоящим экзаменам. А на её работе в самом верху, прямо рядом с её именем, была приписка: «Пожалуйста, приходи поговорить. Уэсли Персисон».

Так звали ассистента преподавателя, и эта надпись располагалась возле её итогового балла за работу. Рядом с большим жирным нулём.

Другой студент прошёл мимо стола Эмили, и она подняла глаза ровно в тот момент, когда тот заметил ноль. Парень бросил на неё осуждающий взгляд и продолжил свой путь.

Внезапно лицо Эмили стало невыносимо горячим. Она схватила свою работу со стола и сложила её посередине. Пошатываясь от волнения, Эмили встала и тихо прошла к началу класса.

Она училась. Все это время она усердно делала домашние задания. И это было нелегко. Она чувствовала себя матерью-одиночкой, заботящейся о четырех/шести детях лишь с небольшой помощью извне. Было чудом, что она вообще успевала учиться, и по большей части это происходило благодаря тому, что она каждый день жертвовала своим сном и досугом, чтобы выкроить немного времени на выполнение своей работы.

Такой результат был невозможен. Может быть, она не изучала и не воспринимала столько, сколько могла бы, если бы не стала злодейкой, но чтобы она вообще ничего не понимала? Это было неправильно. Должно быть тут была какая-то ошибка.

У стола ассистента преподавателя выстроилась небольшая очередь, и Эмили заняла своё место в стороне. Она стояла не совсем в очереди, но достаточно близко, чтобы можно было понять, что она тоже хочет получить возможность поговорить с Уэсли.

Наконец, после десяти минут ожидания, класс покинули все, кроме неё и ассистента.

— 3-здравствуйте, — пробормотала Эмили.

— Да? Чем я могу вам помочь, мисс...

— Райт, — сказала Эмили.

В глазах Уэсли мелькнуло узнавание.

— Точно, мисс Райт. Вы здесь по поводу ваших результатов.

Эмили кивнула и положила сложенный листок на стол между ними. Ей не хотелось разворачивать его и снова видеть на этот уродливый ноль.

— Знаешь, тебе повезло, что я поставил тебе ноль, — сказал ассистент.

— Что? — пискнула Эмили.

— Я мог бы тебя сразу исключить.

— Я не понимаю, — покачала головой Эмили.

— К жульничеству к нас относятся не очень хорошо. Как и к списыванию.

Эмили удивлённо отшатнулась.

— К жульничеству? Я ничего такого не делала.

Уэсли бросил на неё испытующий взгляд, приподняв одну бровь.

— Правда? Потому что твои ответы идентичны ответам другого студента.

Эмили покачала головой. Это было невозможно. Она никогда раньше не списывала. Дело было даже не в том, что она была полностью против идеи жульничества (по крайней мере, она

считала, что против), но в первую очередь она просто не могла не представить, что с ней будет, если её поймут. От мыслей об этом её прошибал холодный пот и мучили кошмары, а теперь эта ситуация разворачивалась прямо сейчас, хотя она честно выполнила свою работу.

Она взяла со стола свой листок и просмотрела его. Ответы соответствовали тому, что она написала. Их никто не подменил или что-то в этом роде.

— Нет, нет, это мои ответы. И я знаю, что они правильные.

— Ох, они действительно правильные, — согласился Уэсли.

Он встал и начал укладывать свои вещи в маленькую сумку, очевидно, собираясь уходить.

— Эти ответы, — продолжил Уэсли. — Заработали другому ученику впечатляющие девяносто четыре балла, что значительно выше среднего показателя по классу.

— Но это мои ответы, — запротестовала Эмили. Она почувствовала легкую слабость, словно весь день не ела. Ей казалось, что она вот-вот скатится до нервной дрожи.

— Послушай, — сказал Уэсли, щелчком закрывая свою сумку. — В следующий раз не списывай. Или хотя бы не так откровенно.

— Я не списывала, — захныкала Эмили.

Ассистент преподавателя только вздохнул и взял свой кейс. Он направился к двери.

— Конечно, конечно. Я не стал требовать твоего исключения. Разберись со своими...

Эмили не помнила, как пришла в движение или как схватила Уэсли за руку. Она просто обнаружила, что сжимает в своей твердой хватке предплечье мужчины перед ней, причём достаточно сильно, чтобы остановить его на месте. Она сморгнула навернувшиеся на глаза слезы.

Её дыхание всё ещё было немного прерывистым, а руки слегка дрожали, но теперь вся паника исчезла, словно её выжгло напалмом.

— Нет, — твёрдо сказала она. — Я хочу, чтобы вы сказали мне, кто у меня списал.

Уэсли потряс рукой, словно этого было достаточно, чтобы заставить Эмили отпустить. Когда это ничего не изменило, он нахмурился, но все-таки ответил на вопрос:

— Твои ответы совпали с работой племянницы профессора. Она отличница. Я не могу представить, зачем ей понадобилось бы жульничать, в отличие от тебя. У неё много друзей в классе, и её все любят.

Он подразумевал — и Эмили не могла этого не заметить — что она не пользовалась подобной всеобщей любовью, и что у неё не было друзей в классе. Да и за его пределами их было немного.

— Я не жульничала, — повторила Эмили.

— Отпусти меня, — сказал Уэсли. — Может быть, я покажу твою работу профессору. Тебе этого хочешь? Быть отчисленной всего через семестр?

Эмили резко втянула воздух. Это было бы... так несправедливо.

Впрочем, такое часто случалось. Не обвинения в жульничестве, а обвинения, от которых не было возможности защититься. Люди всегда ходили по головам тех, чьи голоса были недостаточно громкими, чтобы за себя постоять, и Эмили была одной из таких. Сначала ей в бургер кладут маринованные огурцы, когда она слишком стесняется, чтобы попросить вернуть деньги, а теперь вот это вот.

— Послушай меня, Уэсли, — начала Эмили.

Она взяла тот же тон, которым разговаривала со своими младшими сестрами, когда хотела, чтобы они действительно выслушали. Мягкий и спокойный, но в тоже самое время резкий. Её хватка усилилась, крепко удерживая ассистента преподавателя на месте.

— Вы обвиняете меня без доказательств, — заявила Эмили. — Вам просто так кажется. И вы предполагаете, что виновна я, а не другая сторона, которой здесь нет.

— От... отпусти меня.

Эмили наконец подняла глаза и встретила взгляд Уэсли впервые с тех пор, как начался их диалог. По лицу мужчины было ясно видно, что такое развитие ситуации заставляло его чувствовать дискомфорт.

— Ты решил так, потому что это было удобно? Потому что племянница профессора не может быть неправа? Она тебе так сильно нравится? Она что, улыбнулась тебе? Она говорила правильные вещи? Ты говоришь, что ее любят и у нее есть друзья. Ты хочешь сказать, что у меня их нет? Потому что ты, возможно, прав. Я проделала всю работу сама, я справлялась с проблемами, которые ты даже представить себе не можешь, Уэсли. Я уже несколько месяцев как следует не спала по ночам, Уэсли. Я вынуждена делать своё домашнее задание, пока дети кричат и устраивают хаос вокруг меня, Уэсли.

Уэсли попытался высвободить руку.

Но Эмили не дала ему такой возможности.

— Нет. Не спеши, Уэсли. Ты должен выслушать меня, потому что ты был очень, очень плохим... человеком. Ты решил испортить мне идеально хороший день, потому что я не так популярна, как кто-то другой? Или это потому, что ты слишком ленив, чтобы разбираться? Ты просто сидишь за своим крошечным, жалким столом и выносишь суждения, словно ты какой-то местный бог? Ты хоть представляешь, как много стресса давит на меня? А?

— Я...

— Заткнись, Уэсли, — огрызнулась Эмили.

Это были не те слова, которые она использовала бы по отношению к своим сестрам, но Уэсли не был её сестрой.

— Я не списывала, — продолжила она, — Я готовилась к этому тесту. Я потратила на это много времени. Времени, которое мне было трудно найти. Вы сделали предположение, и вы ошиблись. Я не собираюсь быть наказанной за действия кого-то другого. Я не позволю тебе саботировать мое образование только потому, что тебе лень что-то активно расследовать. Я устала от идиотов, заполучивших себе мелкую толику власти, которые слишком ленивы, чтобы выполнять свою чёртову работу.

Уэсли наконец удалось высвободить свою руку из хватки. Эмили тяжело дышала, вспотела и, вероятно, выглядела немного растрёпано. Адреналин, всё ещё бурлящий в ней, был единственной причиной, по которой она не свернулась в нервный комочек и не воссоединилась с полом.

Уэсли, казалось, обрёл дар речи.

— Я... поговорю с профессором?

— Да, это было бы здорово, спасибо, — сказала Эмили.

Она прочистила горло, а затем выбежала из класса, прижимая к груди свои вещи.

— Нет, нет, нет, — бормотала она себе под нос.

Эмили проскользнула сквозь толпу в коридоре, как всегда незаметная, и даже её бормотание не изменило этого факта.

— Я не злодейка, — повторяла она себе, хотя то, что она сделала, казалось ей потрясающим.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/75636/4085896>